

— Заходите скорее.

Дверь, которую Линь Цинъюй только что пытался открыть, внезапно распахнулась. На пороге стояла бледная девушка в больничной пижаме. Увидев то, что преследовало их в коридоре, она ничуть не испугалась, а лишь шире открыла дверь, приглашая их внутрь.

Они обменялись взглядами и, услышав, что преследователи уже совсем близко, шагнули в палату. Дверь тут же захлопнулась, и они оказались в безопасности.

Линь Цинъюй окинул взглядом обстановку: диван, мягкие игрушки, кровать с балдахином... Это место меньше всего походило на больничную палату — скорее на комнату маленькой принцессы, окруженной родительской любовью. Девушка жестом пригласила их присесть на стулья, и в комнате воцарилась тишина. Линь Цинъюй от природы не был склонен к светским беседам, а хозяйка комнаты выглядела настолько изможденной, будто могла потерять сознание в любую секунду.

Наконец, Тан Яньцин нарушил молчание:

— Малышка, ты...

На вид девушке было лет пятнадцать-шестнадцать, и она выглядела куда более нормальной, чем те существа снаружи. По крайней мере, это был второй человек, встреченный Линь Цинъюем в этой больнице, который действительно напоминал живого человека.

— Меня зовут Тан Кэ, я... дочь главного врача этой больницы.

Услышав это, Линь Цинъюй поднял на нее взгляд и невольно выпрямился, отстранившись от спинки стула. Тан Кэ страдала от неизвестного недуга: ее состояние ухудшалось без видимых причин, и даже современная техника не могла поставить диагноз, поэтому отец-врач поселил ее прямо в больнице. Он искал лучших специалистов, но все они оказывались бессильны. Видя, как дочь тает на глазах, он где-то раздобыл статуэтку Будды и велел ей носить ее на шее. С тех пор Тан Кэ действительно стало легче, но отец запретил ей покидать палату. А потом, когда дверь снова открылась, больница превратилась в то, чем стала сейчас.

Когда Тан Кэ закончила рассказ, Линь Цинъюй пристально посмотрел на нее. Его холодный взгляд заставил девушку испуганно опустить глаза, ее пальцы судорожно впились в обивку стула.

— Я Тан Яньцин, врач этой больницы. Малышка, спасибо, что спасла нас.

Когда атмосфера стала совсем тяжелой, Тан Яньцин мягко улыбнулся и тихо произнес эти слова. Тан Кэ, словно ухватившись за спасательный круг, подняла на него глаза и улыбнулась в ответ:

— Не за что, я вас знаю.

— Вот как? — Тан Яньцин удивленно приподнял бровь.

— Вы заместитель заведующего терапевтическим отделением. Я часто слышала о вас от медсестер, которые ко мне заходили. Кажется, вы им очень нравитесь.

Молодой, успешный и привлекательный врач неизбежно становился центром внимания девушек. Тан Яньцин понимающе кивнул, сохраняя мягкое выражение лица, и указал на Линь Цинъюя:

— А это Линь Цинъюй. Не бойся его, он не плохой человек.

Тан Кэ кивнула и уже хотела что-то сказать, как вдруг прикусила губу. Ее и без того бледные губы покраснели, будто вот-вот должны были треснуть и закровоточить. Тан Яньцин поспешил к ней, но, соблюдая дистанцию, обеспокоенно спросил:

— Тан Кэ? Что с тобой?

— Лекарство...

Голос девушки был едва слышен. Тан Яньцин наклонился ближе, чтобы расслышать, а затем проследил за направлением ее взгляда. Через несколько секунд в его сторону полетел пузырек. Он поймал его на лету и передал Тан Кэ, дожидаясь, пока ей станет лучше.

Когда состояние девушки стабилизировалось, она подняла голову и благодарно улыбнулась им обоим:

— Большое спасибо.

Затем ее лицо омрачилось, она явно не знала, как продолжить разговор. Двое мужчин, не питавшие ни капли сочувствия, даже не подумали помочь ей с началом беседы. Тан Кэ, чье лицо на мгновение застыло, пришлось набраться смелости:

— Могу я попросить вас достать для меня одну вещь?

Заметив, что они не спешат соглашаться, она добавила козырь:

— Я знаю, как отсюда выбраться, но мое нынешнее состояние не позволяет мне дойти туда самой. Если вы принесете мне эту вещь, вы сможете уйти.

После ее слов в комнате повисла тишина. Оба мужчины смотрели на нее с нескрываемым подозрением. Линь Цинъюй лениво хмыкнул:

— Мы можем просто найти способ нести тебя на руках.

— Или ты можешь сказать нам, где это находится, и мы сходим сами, — подхватил Тан Яньцин с вежливой улыбкой.

Бессердечные слова мужчин заставили Тан Кэ напрячься. Она выдавила из себя слабую улыбку:

— Нести меня не нужно, я не привыкла, чтобы меня носили. К тому же, если я не получу эту вещь, я долго не протяну.

Она опустила голову, и ее вид стал по-настоящему подавленным и несчастным.

— А что, если ты и так уже должна была умереть?

Этот вопрос Линь Цинъюй заставил Тан Кэ резко вскинуть голову, ее лицо выражало полное недоумение. Не дожидаясь ее ответа, он безразлично усмехнулся:

— Прости, пошутил. Так где вещь?

Видя, что он все-таки готов помочь, Тан Кэ не стала развивать тему. В конце концов, Линь Цинъюй с первого взгляда не казался добродетелем, а такие люди часто меняют свои решения по прихоти. Что касается Тан Яньцина, то, несмотря на всю его мягкость, он был крайне осторожен. Тан Кэ понимала: они с самого начала ей не доверяли, даже несмотря на то, что она их спасла.

Она с бледным лицом как ни в чем не бывало улыбнулась:

— Как я уже говорила, мою жизнь спасла статуэтка Будды. Но отец забрал ее у меня, и сейчас она должна быть в его кабинете.

Кабинет главного врача.

Линь Цинъюй видел схему этажей в лифте. Планировка больницы казалась странной, но в то же время имела свою логику. Впрочем, его сейчас волновало другое. Он хотел было что-то сказать, но Тан Яньцин опередил его:

— Если это вещь, которая спасала тебе жизнь, почему твой отец ее забрал?

Линь Цинъюй слегка приподнял бровь, взглянул на Тан Яньцина, встретился с его улыбающимися глазами и отвел взгляд. Похоже, этот человек, при всей своей мягкости, вовсе не простак.

Тан Кэ горько усмехнулась и вздохнула:

— Не знаю. Из-за той болезни я часто впадала в забытие. Однажды проснулась — а вещи нет. А потом больница изменилась.

Линь Цинъюй и Тан Яньцин никак не отреагировали на ее слова: невозможно было понять, верят они ей или нет. Линь Цинъюй слегка кивнул:

— Хорошо, мы принесем ее.

— Правда?!

В мертвых глазах Тан Кэ вспыхнула надежда, а улыбка стала шире.

— Спасибо вам.

— Одолжи мне заколку, что у тебя в волосах.

Голос Тан Кэ, полный благодарности, прозвучал одновременно с требованием Линь Цинъюя. Она растеряннo моргнула, перевела взгляд на его волосы, а потом коснулась своей заколки:

— Ты... хочешь ее использовать?

Линь Цинъюй не стал ничего объяснять, лишь повторил:

— Дай мне заколку, и я пойду за твоей вещью.

<http://bllate.org/book/20571/2055509>